

М.И. ВОЕЙКОВ

К СПОРАМ О РУССКИХ РЕВОЛЮЦИЯХ И РЕФОРМАХ

О русской революции 1917 года написаны горы книг. Казалось бы, все должно быть ясно. И такая ясность была у многих до 1991 года. Мы считали, что в феврале 1917 года произошла буржуазно-демократическая революция, а в октябре того же года — социалистическая. Так нас учили, и так мы думали

Но вот после 1991 года стали доминировать взгляды на Октябрьскую революцию (или октябрьский этап русской революции) как на ошибку, как на навязанную России плохую альтернативу, как, наконец, на злостную выходку плохих людей (большевиков), которые замутили голову русскому народу и повели Россию не в ту сторону. В качестве примера можно привести высказывание писателя Мартина Малия, который пишет: «Советская социалистическая революция была великой утопической авантюрой современности» (1).

Так что же было на самом деле в 1917 году, и что же было в России в последующий период? Эти и подобные вопросы задают себе многие мыслящие россияне и жители бывшего СССР.

Интересуют эти проблемы и западного читателя. На Западе давно сформировалось несколько позиций объяснения русской революции. И надо сказать, что с падением «государственного социализма» в СССР западные дискуссии о природе русской революции и советского общества стали интенсивней и острее (2). Изучение и всестороннее объяснение русского феномена — огромная работа, посильная,

наверное, поколениям исследователей. И не только историков. Важная роль в этой работе должна принадлежать политэкономическому и политологическому анализу. Думается, отсутствие именно таких подходов не дает возможности сформулировать четкие и ясные направления развития российского общества, выхода его из затянувшегося кризиса.

Именно политэкономический подход должен пролить свет на проблему социально-экономических и материальных предпосылок русской революции. Эта проблема была поставлена в исторической литературе давно, но экономистами разрабатывалась мало. В исторической литературе очень редко различают экономическое развитие и капиталистическое развитие. Часто, говоря о бурном экономическом росте в последней четверти XIX века, делают вывод о таком же мощном развитии капитализма в России. С политэкономической точки зрения это не одно и то же. Таким образом, проблема наличия материальных предпосылок революции продолжает быть актуальной.

Были ли эти предпосылки вообще, насколько они были объективны? От ответа на эти вопросы зависит и объяснение самой революции. Если объективные материальные и социально-экономические предпосылки революции были, то каковы они, какой характер они придавали самой революции?

Еще одно предварительное замечание. Традиционно в нашей литературе указывают на три русские революции: 1905 года, февральскую 1917 года и Октябрьскую 1917 года. В последнее время стали объединять все эти три революции в одну русскую революцию с внутренними этапами. Действительно, политэкономический подход к анализу предпосылок и характера этих революций показывает, что они в чем-то сливаются в единый процесс. Сами участники и свидетели революции не превращали эти этапы, особенно два последних, в принципиально различные революции. Эта традиция утвердилась в зарубежной исследовательской литературе (3). Сегодня положение о единой русской революции все шире пробивает себе дорогу и в отечественной исторической литературе (4). Думается, что эти позиции не противоречат друг другу.

В исторической литературе как начала, так и конца XX века проблема социально-экономических предпосылок русской революции обычно не ставится под сомнение. А вот проблема предпосылок для строительства в начале XX века социализма в России вызывает жаркие споры. Большинство исследователей (в основном марксисты и либералы) склоняются к мнению, что именно предпосылок для строительства социализма в экономически и культурно отсталой стране в то время было мало. Эта

Михаил Илларионович Воейков — заведующий сектором социально-трудовых отношений Центра социальной политики Института экономики РАН, доктор экономических наук

точка зрения была общей, например, для социал-демократов, особенно меньшевиков.

Большевики идею социализма и социалистического общества ставили во главу всей своей деятельности, подчиняя ей каждый свой шаг. В этом состоял один из важнейших принципов марксизма, согласно которому переделывать старое общество надлежит сознательно и планомерно. Идеи Ленина и Троцкого были для многих привлекательны, но они вряд ли могли быть реализованы в тех материальных и культурных условиях. В конце концов, условия извратили идеи марксизма, которые превратились в практику сталинизма.

Революции — это закономерный этап процесса исторического развития. Этап, к сожалению, малоприятный, но объективно неизбежный. Князь П.А. Кропоткин как-то сказал о русской революции 1917 года: «Пережитая нами революция есть итог не усилий отдельных личностей, а явление стихийное — не зависящее от человеческой воли <...>. Все мы — я в том числе — подготовили этот стихийный переворот. Но его же подготовили и все предшествующие революции 1798, 1848, 1871 гг., все писания якобинцев, социалистов, политиканов, все успехи науки, промышленности, искусства и т.д.» (5). А вот мнение западного исследователя Л. Фишера: «Всякая революция порождается врагами революции» (6). И, наконец, приведем слова знаменитого русского философа Н.А. Бердяева: «Мне глубоко антипатична точка зрения слишком многих эмигрантов, согласно которой большевистская революция сделана какими-то злодейскими силами, чуть ли не кучкой преступников, сами же они неизменно пребывают в правде и свете. Ответственны за революцию все, и более всего ответственные реакционные силы старого режима. Я давно считал революцию в России неизбежной и справедливой» (7).

Отечественные историки советского периода, занимавшиеся вопросами генезиса капитализма в России и перехода от феодализма к капитализму, все свои изыскания проводили в рамках ленинской установки, что в России капитализм был средне-развитым. Академик Н.М. Дружинин в 1949 году в журнале «Вопросы истории», сославшись на Краткий курс «Истории ВКП (б)», высказал мнение: «Начальный и конечный моменты капиталистической формации на территории нашей страны точно определены классиками марксизма» (8). Но если в Кратком курсе все «точно определено», зачем писать научную статью под названием «О периодизации истории капиталистических отношений в России» и вообще затевать дискуссию по этому вопросу? А дискуссия эта шла все последующие годы и сегодня приобретает новый оборот. Однако вернемся к ленинской постановке проблемы.

В работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 гг.» Ленин писал о «сравнительно развитом капитализме в промышленности», правда, тут же отмечая «чудовищную отсталость деревни» (9). И в 1920 году он продолжал держаться этой оценки российского капитализма. «Без известной высоты капитализма у нас бы ничего не вышло», — писал Ленин в замечаниях на книгу Н.И. Бухарина «Экономика переходного периода» (10). Эти положения просуществовали в отечественной исторической литературе до сего дня. Ничего принципиально нового в перестроечное и постперестроечное время по данному вопросу официальная историческая наука нам не предложила (11, с. 14). Лишь на ее периферии пробиваются более реалистические воззрения. Так, Л.В. Никифоров (Институт экономики РАН) вполне обоснованно замечает, что «в фундаментальном труде Ленина “Развитие капитализма в России” уровень капитализации страны был явно преувеличен» (12).

В последнее время стали объединять все эти три революции в одну русскую революцию с внутренними этапами. Действительно, политэкономический подход к анализу предпосылок и характера этих революций показывает, что они в чем-то сливаются в единый процесс

Оставим в стороне фантастическое утверждение о том, что Россия в начале XX века представляла собой мощно развивающуюся экономическую систему, которая входила в число 5–7 ведущих стран капиталистического мира. Такой взгляд был инспирирован конъюнктурным желанием найти хоть какое-нибудь серьезное обоснование тезиса о «неулучшении» революции 1917 года и к науке никакого отношения не имеет (13).

Рассмотрим аргументы, подвергающие сомнению тезис о среднеразвитом капитализме в России.

Еще в 1950-е годы академик Н.М. Дружинин дал весьма емкое определение предпосылок зарождения капитализма: «Необходимой предпосылкой для зарождения капиталистического строя является достаточно широкое развитие товарного производства и обмена, которые служат питательной базой для образования денежных богатств и для социального расслоения города и деревни. Возникновению системы капиталистической эксплуатации должен предшествовать процесс первоначального накопления, который складывается из двух основных элементов: превращения мелкого собственника в свободного, но лишённого средств производства пролетария и появления обладателя денежных средств, которые могут быть затрачены на покупку рабочей силы» (14, с. 5–6). Оценим, как в реальности обстояло дело к началу XX века с этими признаками капитализма в России.

Отечественные историки далеко не единодушны в определении основных моментов генезиса капитализма. Так, некоторые авторы полагали, что «реформа 1861 г. завершила процесс первоначального накопления» (14, с. 36). Однако после нее не было создано крупной машинной промышленности, и даже не появились отдельные «гиганты индустрии». После реформы 1861 года можно говорить лишь о начале процесса накопления капитала, и то с большой натяжкой. Ибо к началу первого этапа индустриализации в последней четверти XIX века собственного капитала в стране было мало. Историк Б.Б. Кафенгауз процесс первоначального накопления растягивает до начала XX века: «Таким образом, методами “первоначального накопления” в России являлись частичная “экспроприация земледельцев”, рост государственного долга, субсидии и привилегии буржуазии; они приходятся на вторую половину XIX и начало XX века» (15). Это

более реалистичная точка зрения. Однако ее стоило бы дополнить тем, что на этот период приходится лишь начало «первоначального накопления», которое было прервано Первой мировой войной. После войны, в 1920-е годы, вопрос о средствах для экономического развития страны опять встал на повестку дня. Вспомним дискуссии тех лет в советской литературе о «законе первоначального накопления», которое опять же осуществлялось в основном за счет аграрного сектора. И только индустриализацию 30-х годов XX века можно считать формой реализации процесса накопления капитала для экономической модернизации производственного потенциала страны.

В пользу тезиса о том, что к началу XX века первоначальное накопление капитала не было завершено, говорит интенсивное проникновение в страну иностранного капитала. Современный историк прямо так и пишет, что приток иностранного капитала был обусловлен «недостаточностью внутренних накоплений» (11, с. 34).

Опираясь на все эти рассуждения, можно опровергнуть широко распространенный среди историков тезис о том, что 1861 год стал границей между феодализмом и капитализмом в России. Так, М.Я. Гефтер называл большим упрощением тезис о полном созревании капитализма «в недрах феодального общества еще до начала буржуазных революций». Тезис этот совершенно не применим к России, «в общественном и прежде всего в аграрном строе которой доминировало крепостничество — притом не только в дореформенное время, но в определенной мере и в первые пореформенные десятилетия» (16, с. 224–225). По Гефтеру получается, что крепостничество в аграрном секторе «доминировало» до самого конца XIX века, ибо первые десятилетия —

это никак не меньше 20–30 лет после 1861 года. В принципе эту же позицию можно увидеть и у историка С.М. Дубровского, который говорил: «Конечно, полного торжества капитализма в нашей стране не получилось даже в области надстройки <...>. Политическая власть на 99% находилась в руках помещиков-полукрепостников. В феврале 1917 года свергли Николая II, но остатки феодально-крепостных отношений в виде помещичьего землевладения, неравноправия крестьян и всякой кабалы сохранились до октября 1917 года» (16, с. 147). Если политическая власть до 1917 года находилась в руках феодальной аристократии, то, следовательно, ни о каком господствующем положении капитализма после реформы 1861 года говорить не приходится. Он не занял господствующего положения даже в промышленном секторе страны. Иначе не было бы революций 1905 и 1917 годов. К 1861 году из общего числа 862 тыс. рабочих крупной промышленности, включая горнозаводскую, 44% были крепостными (17). Можно утверждать, что всю вторую половину XIX века экономические отношения даже в промышленности характеризовались полукрепостническим состоянием. Причем, как верно замечает известный историк аграрных отношений в России А.М. Анфимов, «полукрепостнические отношения не следует понимать как равнозначные “полубуржуазным”. Это те же крепостнические отношения, правда, модифицированные капитализмом...» (18).

Можно опровергнуть широко распространенный среди историков тезис о том, что 1861 год стал границей между феодализмом и капитализмом в России

Значит, период после Великой реформы 1861 года ушел на то, чтобы сделать крепостных рабочими. Н.М. Дружинин справедливо указывает, что «незавершенность капиталистического переустройства в 60-х годах XIX века породила буржуазно-демократическую революцию 1905 года» (19).

Некоторые советские историки убедительно доказали, что даже на промышленных предприятиях Урала к началу XX века сохранялись некапиталистические уклады. Так, В.В. Адамов приводит мнение комиссии Д.И. Менделеева, посетившей Урал в 1898 году, о большой степени натурализации в промышленности Урала: «Почти повсеместно — господство старого дореформенного принципа “иметь” все свое от рабочего до последнего гвоздя» (20, с. 250). Лишь в конце XIX — начале XX веков в прессе и литературе был поднят вопрос «о путях и средствах ликвидации крепостнических порядков и реорганизации промышленности Урала на капиталистических

началах» (20, с. 252). При этом в начале XX века Урал продолжал концентрировать существенную долю национального промышленного производства — в 1910 году из 173 действующих железодельных предприятий страны 94 (54%) размещались на Урале (21). То есть более половины промышленных предприятий основного индустриального ядра (металлургия) даже в начале XX века не были охвачены капиталистическими отношениями.

М.Я. Гефтер, анализируя дискуссию 1929 года о финансовом капитале в России, отмечал, что в стране «еще не сложились окончательно или даже отсутствовали многие из основных условий для капитализма свободной конкуренции» (22, с. 85). В предисловии к этой книге, изданной в Свердловске в 1972 году, В.В. Адамов также отмечал, что «крупный капитал в России, хотя и обладал массой привилегий, все же не сложился в силу, способную преобразовать весь ее строй. Экономика страны до самой революции носила переходный характер» (22, с. 11).

В последние годы среди отечественных исследователей начинают появляться достаточно реалистичные взгляды на генезис капитализма в России. Так, Е.Г. Плимак и И.К. Пантин справедливо пишут, что, хотя после реформы 1861 года «была приоткрыта дверь буржуазному прогрессу», царизму так и «не удалось превратить процесс внедрения и роста “верхушек” капитализма в фактор, преобразующий всю систему общественных отношений». И даже в результате реформ Витте-Столыпина капиталистические отношения «оказались неспособными охватить все народное хозяйство» (23).

Развитие капитализма в России после отмены крепостного права действительно началось, но до его господства было еще очень далеко.

Рассмотрим теперь вопрос о том, как обстояло дело с капитализмом в сельском хозяйстве. Прежде всего необходимо объяснить, куда девалась община. Ведь более 80% населения страны в начале XX века составляло сельское население, и все или почти все это население было охвачено общинными и натуральными производственными отношениями: 83,2% крестьянской земли в европейской России в 1905 году было в общинном пользовании (24, с. 100). И, как считают современные историки, «хотя община в 20-е годы формально не представляла, как до революции, административную единицу, фактически оставалась в системе государственного устройства» (25). В этих условиях не было свободного товарного оборота земли и не было свободного рынка труда. Более того, в конце XIX века замена отработочной ренты на денежную была лишь номинальной. Помещики и владельцы земли сообразили, что сдавать землю в аренду выгоднее не за натуральные

отработки на земле владельца, а за деньги. У крестьян денег не было, и расплачиваться им, в конце концов, приходилось теми же натуральными отработками, но уже в большем размере.

На это впервые обратил внимание А.М. Анфимов: «Началась своеобразная мимикрия отработочной системы: по учету — денежная, а по сути — отработочная. Это вконец запутало статистиков, и статистическое отражение арендных цен превратилось в фикцию <...>. Денежные расчеты были лишь оболочкой, денежной оберткой той же отработочной системы» (24, с. 17, 20). Следовательно, даже там, где натуральные экономические отношения в аграрном секторе заменялись денежными, это не было глубокой трансформацией. Конечно, какие-то элементы капитализации аграрного строя имели место, но и они были незначительными либо локальными. «Если капиталистические элементы русской деревни были относительно локализованы, — писал М.Я. Гефтер, — то крепостнический уклад является фактически всероссийским» (22, с. 91). Академик Н.М. Дружинин отмечал: «Аграрный вопрос и ликвидация сословной неравноправности крестьян

показатели товарности крестьянского сельскохозяйственного производства свидетельствуют о преобладании натуральной формы производства. Известные историки-экономисты Н.Д. Кондратьев и П.И. Лященко дают близкий процент товарности сельскохозяйственной продукции в первом десятилетии XX века: 33,3% (Кондратьев) (28) и 26,0% (Лященко). Причем последний отмечает, что середняки и бедняки, производя половину всего хлеба, давали лишь 14,7% его товарности (29, с. 279). Иными словами, 85% производства, в котором было занято подавляющее большинство населения страны, было натуральным. Вывод Лященко совершенно справедлив: «Гвоздем аграрных отношений и через 40 лет после реформы, так же как и в 1861 г., оставалась борьба крестьянства против помещичьих латифундий» (29, с. 88).

Сходные результаты получены в работах зарубежных исследователей. Так, немецкий историк К. Функен пишет, что вплоть до Октября 1917 года «отношения в деревне остаются в переходной стадии, где чисто феодальная и полуфеодальная эксплуатация смешивается с мелкобуржуазным и капиталистическим аграрным производством, а сама Россия после 50 лет “политики реформ” все еще была системой, смешанной из феодальных и капиталистических элементов» (30).

Подавляющее количество крестьянских семей дореволюционной России были малоземельными, поэтому необходимость перераспределения земли и составляла основную предпосылку русской революции.

Многие историки и экономисты, рассматривая становление капитализма в России, не различают собственно капиталистическое развитие и экономическое развитие. Так, в многотомном труде по истории экономики СССР читаем: «Об уровне развития капиталистической экономики России можно судить по следующим показателям: в 1913 году по уровню промышленного производства Россия занимала пятое место в мире, по добыче нефти, вывозу древесины, производству пиломатериалов — второе, по выработке хлопчатобумажных тканей (суровых) — третье, по продукции машиностроения, по производству кокса и сахарного песка (из отечественного сырья) — четвертое, по производству чугуна, железной руды, цемента, выплавке стали — пятое, по добыче угля — шестое». Вывод: «Развитие капитализма в России подготовило необходимые материальные предпосылки для социалистической революции и строительства нового общества» (31).

Развитие российской экономики в начале XX века действительно было значительным, но это еще не выводило страну в ряд высокоразвитых капиталистических государств. По среднедушевому доходу Россия оставалась в разряде отсталых стран мира.

Подавляющее количество крестьянских семей дореволюционной России были малоземельными, поэтому необходимость перераспределения земли и составляла основную предпосылку русской революции

оставались в центре внимания не только революционных социалистических партий, но и либерально-реформистских течений вплоть до социального переворота 1917 г.» (26). Таким образом, 80% населения страны до самого 1917 года не освободились еще от пут феодализма. Столыпинские реформы начали процесс капитализации деревни. Но, по мнению специалистов, они потерпели поражение.

Анфимов на основе детального анализа большого объема данных делает такой вывод: «Официальные государственные акты позволяют утверждать, что столыпинский вариант земельной реформы в России потерпел крушение еще при жизни Столыпина» (24, с. 133). Другой крупный отечественный историк И.Д. Ковальченко, проанализировав все современные «мифы и реальности» столыпинской реформы, приходит к тому же выводу: «Проведенный анализ показывает, что столыпинская аграрная реформа по сути провалилась еще до Первой мировой войны» (27).

Основное население страны жило в деревне и занималось сельским хозяйством. И хотя в аграрной сфере развивались капиталистические отношения,

По данным известного американского исследователя П. Грегори, Россия в 1913 году имела доход на душу населения, равнявшийся 50% немецкого и французского, 20% британского и 15% американского. К 1913 году относительная позиция Российской империи ухудшилась из-за быстрого роста населения и сравнительно низких темпов роста объема производства между 1861 годом и 1880-ми годами. Грегори делает вывод: «Относительная отсталость экономики России очевидна» (32).

Исследуя предпосылки революции 1917 года, необходимо прояснить вопрос о том, какой класс выступил основной движущей силой в революции. Важно также выяснить численность рабочего класса (пролетариата) в канун русской революции 1917 года.

Полную структуру трудящегося населения России в предреволюционную пору дает А.Г. Рашин (33): в 1913 году промышленных рабочих и служащих было 7,8 млн, занятых на транспорте и связи — 1,4 млн, сельскохозяйственных рабочих — 4,5 млн, чернорабочих и поденщиков — 1,1 млн, рабочих, учеников и служащих в торговле, гостиницах, ресторанах — 865 тыс., разнообразной «прислуги» — 2,1 млн. В целом получается 17,8 млн человек. Все население России в 1913 году составляло 159,2 млн человек, то есть все трудящиеся массы (кроме предпринимателей, хозяев и крестьян в том числе) составляли немногим более 11% населения страны.

Советский историк П.В. Волобуев считал, что численность пролетариата в 1917 году составляла 10% (34) от общей массы населения, при этом численность рабочих фабрично-заводской промышленности — 3 млн человек. Именно на эту цифру указывают многие авторы. Так, авторитетный советский статистик трудовых ресурсов Л.Е. Минц оценивает численность фабрично-заводских рабочих в 1917 году в 2,9 млн человек (35, с. 39). Если к этому добавить еще работников железнодорожного транспорта — 520 тыс. постоянно занятых человек или даже 905 тыс. (вместе с временными и поденными рабо-

чими — 35, с. 103), то получится около 4 млн человек. По мнению П.А. Хромова, специалиста в области экономической истории, в 1913 году в крупной фабрично-заводской промышленности России было занято 3,1 млн рабочих. Советские статистические сборники давали примерно то же количество рабочих промышленности в 1913 году — 3,5 млн или 3,9 млн человек (36). Если же учитывать численность «работников водного транспорта, рабочих коммунальных предприятий, предприятий военного ведомства и других», то Хромов определяет общую численность пролетариата России в 1913 году как приблизительно 4,5 млн человек (37). Другие авторы приводят примерно такие же данные (38).

Ко всему этому следовало бы добавить, что большая часть рабочих сосредоточивалась в трех промышленных центрах: Санкт-Петербург, Московская и Владимирская губернии. В 1910 году на эти три центра приходилось 42% всех рабочих, занятых в промышленности страны (39).

Итак, к пролетариату, собственно, можно отнести не более 4–5 млн человек из почти 160-миллионного населения страны в 1917 году. Даже если увеличить численность рабочих за счет взрослых членов семьи, то общий процент этого класса не превысит 5–6% от всего населения России. Почти половина рабочих России в первой четверти XX века стали таковыми лишь в первом поколении. От 12% до 30% рабочих держали землю для сельскохозяйственного производства.

Современные исторические работы в целом подтверждают эти оценки. Так, историк Д. Чураков приводит данные, согласно которым от 10 до 20% фабрично-заводских рабочих Московской губернии в начале XX века уходило на летние работы в село (40). Известный экономист начала века Н.А. Кабуков делает такой вывод: «Тогда как на Западе труд на фабриках составляет для рабочего единственный источник существования, у нас, за сравнительно небольшим исключением, рабочий считает труд на фабрике побочным занятием, его больше тянет к земле» (40).

Ясно, что далеко не все рабочие шли за большевиками и были активными участниками революции. Среди них были монархисты, черносотенцы, да и просто равнодушные люди. Современный историк Е.Г. Гимпельсон отмечает, что при анализе роли рабочего класса в революции следует учитывать «наличие в его составе многочисленных отсталых слоев с мелкобуржуазными взглядами, настроениями, слоев, которые не поддерживали революцию» (41).

Таким образом, рабочий класс в России в 1917 году был и количественно не очень значителен, и качественно неоднороден. Лидеры большевиков это прекрасно понимали. В марте 1922 года Ленин

писал о «непролетарском составе нашей партии», о том, что «пролетарская политика партии определяется не ее составом», а тончайшим слоем «старой партийной гвардии» (42).

Относительно социального состава партии на 1922 год имеются любопытные данные известного статистика С.Г. Струмилина: фабрично-заводских партийных ячеек было лишь 9,4% (на транспорте — 5,4%) от всего количества партийных ячеек, которые охватывали 10,5% от всех членов партии (на транспорте — 7,1%) (43, с. 240). Причем в фабрично-заводские партийные ячейки входили служащие и другой персонал. Общее же

На наш взгляд, слова «диктатура пролетариата» по отношению к русской революции следует рассматривать как эвфемизм

количество рабочих в 1922 году среди членов партии Струмилин определяет в 37,3% (крестьян — 32,1%) (43, с. 279). Однако эти 37,3% лишь номинально можно считать рабочими, так как значительная часть их уже работала в различных государственных ведомствах.

Д.О. Чураков, исследуя деятельность фабрично-заводских комитетов, сделал такое заключение: «Анализ фабричных и заводских рабочих комитетов октября 1917 года показывает, что такими «штабами» они не были, и быть не могли <...>. Рабочее движение все еще находилось в процессе становления и во многих отношениях оставалось аморфным и хаотичным» (44). Поэтому, на наш взгляд, слова «диктатура пролетариата» по отношению к русской революции следует рассматривать как эвфемизм.

Даже среди большевиков в начале 1920-х годов собственно рабочие составляли не больше трети. К тому же и степень наемного труда в отраслях, где преимущественно создавалась прибавочная стоимость, была незначительной. Большевики возглавили революцию, но сделали ее крестьяне и солдаты (те же крестьяне).

В заключение остановимся на вопросе, что было бы с Россией, если бы в стране не произошла или не удалась революция?

Думается, что если бы в России в 1917 году не совершилась революция, и особенно ее Октябрьский этап, страна осталась бы слаборазвитым государством полукOLONиального типа с некоторым развитием крупной промышленности, с некоторыми элементами утонченной культуры узкого слоя населения, с глубокими корнями народной духовности, но и с малограмотной, нищей подавляющей массой населения. Ведь в эпоху последних Романовых страна была наполовину колонией: в руках западных держателей акций находилось 90% ее шахт, 50%

предприятий химической промышленности, свыше 40% металлургических и машиностроительных предприятий и 42% банковского капитала (45).

Россия, пытаясь стать равноправной европейской державой, нуждалась в глубокой модернизации. В стране не было развитой промышленности, не было индустриальной инфраструктуры. Все это надо было создавать. А для этого необходимы были огромные капиталовложения, возможности для которых в России не было. С.Ю. Витте начал индустриализацию России с развития железнодорожного строительства. Но, как указывает историк И.Ф. Пиндин, «... оно почти целиком зависело от привлечения капиталов извне» (46) и после 1900 года захлебнулось из-за острой нехватки средств: в 1896–1900 годах в среднем за год строилось железных дорог по 3100 верст, в 1901–1903 годах — по 1902 версты, а в 1908–1913 годах — уже по 719 верст. Феодалные социально-экономические отношения не позволяли национальному капиталу создать необходимые для индустриализации накопления. Таким образом, русская революция не прервала индустриализацию, а явилась объективно неизбежной частью самой индустриализации, которая была закончена уже в XX веке.

Примечания

1. Малия М. Советская трагедия. История социализма в России. 1917–1991. М., 2002. С. 9.
2. Укажем две научные конференции, посвященные 80-летию Октябрьской революции: *Der Widerschein der Russischen Revolution. Ein Kritischer Ruckblick auf 1917 und die Folgen.* Hrsg. Th. Bergmann / W. Hedeler / M. Kessler / G. Schafer. Hamburg: VSA-Verlag, 1997; *Octobre 1917: Causes, impact, prolongements.* Sous la direction de B. Drweski. Paris: Presses Universitaires de France, 1999.
3. Россия XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков. М., 1996. С. 229.
4. Хрестоматия по отечественной истории (1914–1945) / Под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Шагина. М., 1996. С. 7; *Материалы дискуссий «Октябрь 1917: смысл и значение».* Материалы круглого стола. Горбачев-Фонд. М., 1998; *1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению.* М., 1998.
5. Кропоткин П.А. Что же делать? // Труды комиссии по научному наследию П.А. Кропоткина. Вып. 1. М.: ИЭ РАН, 1992. С. 196.
6. Фишер Л. Жизнь Ленина. Лондон, 1970. С. 77; Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. СПб., 1994. С. 222.
7. Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М., 1991, С. 226.
8. Дружинин Н.М. Избранные труды. Социально-экономическая история России. М.: Наука, 1987. С. 149.

9. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 301.
10. Ленинский сборник. XL. М., 1985. С. 425.
11. Бовыкин В.И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М., 2001.
12. Смешанное общество. Российский вариант. М., 1999. С. 15.
13. В мировой специальной литературе прочно утвердилось мнение, что Россия в 1913 г. была «беднейшим из цивилизованных государств» (Эктон Э., Гэтрелл П. Глазами британцев: современная английская историография России и Советского Союза // Россия XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков. М., 1996. С. 34).
14. Дружинин Н.М. Генезис капитализма в России. М., 1955. С. 5–6.
15. Кафенгауз Б.Б. К вопросу о первоначальном накоплении в России // Вопросы экономики, планирования и статистики. М., 1957. С. 224.
16. Переход от феодализма к капитализму в России. Материалы Всесоюзной дискуссии. М., 1969.
17. Пажитнов К.А. К вопросу о роли крепостного труда в дореформенной промышленности // Исторические записки. 1940. Вып. 7.
18. Анфимов А.М. К вопросу о характере аграрного строя Европейской России в начале XX века // Исторические записки. Т. 65. М., 1959. С. 121.
19. Дружинин Н.М. Генезис капитализма в России. М., 1955. С. 36.
20. Адамов В.В. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории капиталистической России. Свердловск, 1972. С. 250.
21. Статистический ежегодник на 1912 г. / Под ред. В.И. Шараго. СПб., 1912. С. 158.
22. Гефтер М.Я. Многоукладность — характеристика целого // Вопросы истории капиталистической России. Свердловск, 1972.
23. Плимак Е.Г., Пантин И.К. Драма российских реформ и революций. М., 2000. С. 19–20.
24. Анфимов А.М. П.А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002.
25. Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация в России XX в. // Кооперация. Страницы истории. Вып. 6. М., 1997. С. 86–87; Таниуги Ю. К истории коллективизации сельского хозяйства в СССР: государство и община. М., 1996. С. 368 (японский историк отмечает, что русская община пережила Октябрьскую революцию и стала «преобладающей формой землепользования у крестьян» в течение всего периода НЭПа).
26. Дружинин Н.М. Избранные труды. М., 1990. С. 366.
27. Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX — начала XX в. М.: РОССПЭН, 2004. С. 485.
28. Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 101.
29. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. II. М., 1956.
30. Россия XIX–XX веков. Взгляд зарубежных историков. М., 1996. С. 179.
31. История социалистической экономики СССР. Т. 1. Советская экономика в 1917–1920 гг. М., 1976. С. 17.
32. Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М.: РОССПЭН, 2003. С. 21.
33. Рашин А.Г. Формирование рабочего класса России. Историко-экономические очерки. М., 1958. С. 171.
34. Волобуев П.В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М.: Политиздат, 1987. С. 127.
35. Минц Л.Е. Трудоресурсы СССР. М., 1975.
36. Народное хозяйство СССР в 1959 г. М., 1960. С. 139; Страна советов за 50 лет. Сборник статистических материалов. М., 1967. С. 52.
37. Хромов П.А. Экономическая история СССР. Период промышленного и монополистического капитализма в России. М., 1982. С. 152.
38. П.И. Лященко приводит цифру в 2,5 млн рабочих на 1 января 1915 г. (История народного хозяйства СССР. Т. II. М., 1956, С. 650); по В.П. Буддакову, в начале 1917 г. промышленных рабочих в России было 4,8 млн человек (Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? М.: Политиздат, 1991. С. 25); Американский историк М. Левин насчитывает не более 3 млн промышленных рабочих (Lewin M. Lenin's Last Struggle. N.-Y., 1970. P. 5); 3 млн рабочих «в строгом смысле слова» приводит Н. Верт (История советского государства. 1900–1991. М., 1992. С. 17).
39. Статистический ежегодник на 1912 г. / Под ред. В.И. Шараго. Ч. 1. СПб., 1912. С. 202.
40. Чураков Д.О. Русская революция и рабочее самоуправление. 1917. М., 1998. С. 29–30.
41. Гимпельсон Е.Г. К вопросу о социальном облике рабочего класса в 1917–1920 гг. М.: Наука, 1992. С. 185.
42. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 20.
43. Струмилин С.Г. Избранные произведения. Т. 1. Статистика и экономика. М., 1963.
44. Чураков Д.О. Октябрьский переворот и фабзавкомы // 1917 г. в судьбах России и мира. М., 1998. С. 120, 127.
45. Дойчер И. Незавершенная революция. М., 1991. С. 170.
46. Витте С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 1. Кн. 2. Ч. 2. М.: Наука, 2006. С. 591–592.